

DOI 10.15393/j9.art.2019.6202

УДК 821.161.1.09“18”

Игорь Алексеевич Виноградов

(Москва, Российская Федерация)

info@imli.ru

Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя

Аннотация. В статье исследуется гоголевская религиозно-политическая трансформация представлений о «просвещенном монархе». Впервые освещаются реальные явления, послужившие формированию гоголевской концепции, в частности, педагогическая деятельность одного из школьных учителей Н. В. Гоголя, директора Гимназии высших наук в Нежине И. С. Орлая; наставническое попечение о женских учебных заведениях России их покровительниц, императриц Марии Феодоровны, Елизаветы Алексеевны и Александры Феодоровны; программа образования, поставленная перед современниками министром народного просвещения С. С. Уваровым; статья П. А. Плетнева «Императрица Мария», напечатанная в 1836 г. в первом номере пушкинского «Современника». Прослеживается отражение представлений Гоголя о педагоге-монархе в его произведениях. Гоголевские размышления о воспитании, о роли педагогики в управлении государством сопоставляются с взглядами А. С. Пушкина, Н. В. Помяловского, Н. С. Лескова. Выявляется автобиографическое начало в художественных произведениях Гоголя, в частности, влияние патриотического воспитания в его alma mater — Гимназии высших наук в Нежине — на создание повести «Тарас Бульба».

Ключевые слова: Гоголь, Плетнев, Пушкин, Лесков, идеал, история России, просвещенный монарх, проблема положительного героя, патриотическое воспитание, наставник, учитель, воспитатель

Об авторе: *Игорь Алексеевич Виноградов* — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (121069, Российская Федерация, Москва, ул. Поварская, 25а)

Дата поступления: 18.02.2019

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: *Виноградов И. А.* Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 111–134. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6202

1

Для понимания исторической поэтики классических творений русской словесности чрезвычайно важна не только современная литературная теория, но и конкретная, невымышленная история создания этих произведений — тем более, если эта история не просто забыта, но игнорируется и замалчивается.

Таким весьма значимым, но недостаточно изученным в истории создания целого ряда гоголевских произведений является рубеж 1833–1834 гг. К тому времени, именно к осени 1833 г., после продолжительного кризиса, длившегося с лета 1832 г., Н. В. Гоголь вновь обрел утраченную было способность воплощения многочисленных, накопившихся к тому времени творческих замыслов и в короткий срок создал целый ряд классических произведений, составивших в 1834 г. две книги — сборники «Миргород» и «Арабески». Что стояло за исключительным творческим взлетом в биографии писателя?

Причины возобновления осенью 1833 г. художественной деятельности Гоголя заключались не только в обстоятельствах личного характера. Грань между 1833 и 1834 г. была значимой в судьбе не одного Гоголя. В этот период новым министром народного просвещения С. С. Уваровым, по инициативе императора, в качестве основ образования были провозглашены начала Православия, Самодержавия, Народности. Этот поворот государственной политики — от недавней космополитической деятельности на ниве просвещения министров А. Н. Голицына и К. А. Ливена — органично «совпал» с собственными, внутренними устремлениями Гоголя, который с конца 1833 г. вступил с Уваровым в открытое сотрудничество, заняв в 1834 г. кафедру истории Петербургского университета и опубликовав в только что основанном министром журнале четыре статьи.

В одной из статей, напечатанных в этот период в «Журнале Министерства Народного Просвещения», «Отрывке из Истории Малороссии» (позднейшее название — «Взгляд на составление Малороссии»), Гоголь писал:

«Какое ужасно-ничтожное время представляет для России XIII век! Сотни мелких государств, единоверных, одноплеменных, одноязычных, означенных одним общим характером

и которых, казалось, против воли соединяло родство, — эти мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами. <...> ...это был хаос браней за временное, за минутное — браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманских князьях» [Гоголь: Т. 7, 160].

Указание на роль сильной княжеской власти в начавшемся было объединении и формировании характера народа, Гоголь в том же 1834 г. повторил в статье «Несколько слов о Пушкине», где подводил итог своих размышлений над отечественной историей. Он писал:

«Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частью был бесцветен...» [Гоголь: Т. 7, 276].

Другими словами, для Гоголя — молодого адъюнкт-профессора Петербургского университета — вся русская история до Петра (титул императора был принят Петром I в 1721 г.) оказывалась, вследствие внутренних неурядиц и княжеских ссор, «скудной» и «бесцветной» [Гоголь: Т. 10, 262].

В связи с этим во «Взгляде на составление Малороссии» Гоголь, который к тому времени на протяжении уже трех лет был преподавателем истории в Патриотическом институте благородных девиц, поставил также проблему воспитательного, «педагогического» характера. Говоря о раздорах удельных властителей, Гоголь, кроме реплики о норманских князьях, упомянул о неумении, «незнании» духовных властей, настоятелей и митрополитов, «как схватить с помощью <...> веры власть над народом», примирив враждующие княжества и «настроив» юную Русь «к великому» [Гоголь: Т. 7, 160].

Все эти размышления приходятся на рубеж 1833–1834 гг. и самым тесным образом связаны с той программой общенационального строительства, которая была поставлена перед русским обществом императором и его министром. Главными задачами монарха в обновлении России Гоголь считал преодоление бесконечных ссор и нестроений, а также всемерную поддержку духовного и профессионального возрастания его

подопечных, — иначе говоря, в числе государственных перво-степенных приоритетов выделял проблемы организационно-го, воспитательного и педагогического характера. Именно к инициативам Уварова восходит замысел начатых Гоголем в 1835 г. «Мертвых душ» и написанного тогда же «Ревизора». По словам Гоголя в письме к Уварову, свою поэму он создавал, рассчитывая на «ободрение и помощь от правительства, доселе благородно ободрявшего все благородные порывы» [Гоголь: Т. 12, 21]. За «Ревизора» Гоголь в 1836 г. такое одобрение получил — от самого Государя.

Печальная преемственность проблем отечественного прошлого и настоящего, давняя, привитая еще в школе любовь Гоголя к истории, а также понятное стремление писателя избежать возможных цензурных осложнений, стали причинами того, что первоначально свои соображения о путях развития страны Гоголь стал излагать преимущественно в произведениях исторического характера.

На глубоко прообразовательный, обращенный к современности характер своей исторической прозы сам Гоголь указывал позднее неоднократно. «У меня не было влечения к прошедшему, — признавался он в 1847 г., не без доли преувеличения, в «Авторской исповеди». — Предмет мой была современность и жизнь в ее нынешнем быту...» [Гоголь: Т. 6, 231]. Поясняя особый характер своего историзма, Гоголь 2 января (н. ст.) 1845 г. писал Н. М. Языкову: «Прошедшее же и отдаленное возлюбляется по мере его надобности в настоящем» [Гоголь: Т. 13, 11]. О внимательном читателе — «наблюдательном современнике, ищущем в былом, прошедшем живых уроков для настоящего», упоминал также Гоголь в «Учебной книге словесности для русского юношества» [Гоголь: Т. 6, 331–332].

В связи с прообразовательным характером гоголевских исторических произведений укажем на один примечательный факт, связанный с главным произведением Гоголя из истории, повестью «Тарас Бульба». Хорошо известно, что запорожцы, подвиги которых одушевляли Гоголя по контрасту с окружающей современной «пошлостью», всегда почитали свою покровительницу Божию Матерь. «Деревянная небольшая церковь» на Сечи [Гоголь: Т. 7, 215] была Покровской, т. е.

освященной в честь иконы Покрова Пресвятой Богородицы. Именно к этой иконе — «на Покров, что на Запорожье», — казаки, по словам рассказчика, привезли однажды «оклад из чистого серебра» [Гоголь: Т. 1–2, 386].

В этом отношении героям «Тараса Бульбы», бывшим киевским бурсакам, оказываются вполне под стать реальные лица из «современности в ее нынешнем быту», а именно юные воспитанники Гимназии высших наук в Нежине — «нежинской бурсы», как в шутку называли свою *alma mater* Гоголь и его друг А. С. Данилевский [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: Т. 1, 490]. По своему уставу и почти «монастырским» порядкам, существовавшим в нежинской гимназии, это учебное заведение, в котором Гоголь провел семь лет, в действительности во многом напоминало семинарию [Виноградов, 2015: 32–51]. Судя по сохранившимся свидетельствам, в 1833–1835 гг., в период создания «Тараса Бульбы», ежегодные собрания выпускников «нежинской бурсы» в Петербурге традиционно устраивались именно в тот день, который был наиболее почитаем «прообразовательными» для современности историческими героями-запорожцами — на праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Судя по всему, сходки друзей-«бурсаков» на праздник Покрова являлись для Гоголя своего рода собраниями «товарищей-запорожцев».

«Мы призваны в мир на битву, а не на праздник...» — писал позднее Гоголь в «Правиле жития в мире» (1844) [Гоголь: Т. 6, 302]. Согласно замыслу «Тараса Бульбы», главное содержание жизни запорожцев составляет исполнение заповеди Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13)¹, — именно это является главным утешением казаков: «Долг — Святыня. Человек счастлив, когда исполняет долг» [Гоголь: Т. 6, 296].

Изображение в «Тарасе Бульбе» общины людей, нашедших свое призвание в исполнении заповеди Спасителя — и осмысление самого себя со школьными приятелями как современных «запорожских» воинов, призванных «в мир на битву», непосредственно отразилось впоследствии в изображении Гоголем во втором томе «Мертвых душ» педагогической деятельности директора учебного заведения Александра Петровича,

наставника юного помещика Тентетникова. Прообразом директора училища Александра Петровича в поэме стал действительный директор нежинской гимназии в 1822–1826 гг. Иван Семенович Орлай. Чрезвычайно важно при этом, что наставник Тентетникова, прообразом которому послужил Орлай, воспитывает из своих подопечных, согласно замечанию рассказчика, настоящих гражданских «воинов» — таких деятелей, которые, подобно реальному воспитаннику нежинской гимназии — самому Гоголю, поступив затем на службу, «умудренные познанием человека и души, возымели высокое нравственное влияние даже на взяточников и дурных людей» [Гоголь: Т. 5, 248].

По-видимому, еще одним важным материалом к созданию этих образов послужило Гоголю появившееся в 1836 г. в одной из публикаций пушкинского «Современника» описание педагогической и образовательной деятельности императрицы Марии Феодоровны (супруги Павла I). В тот период, когда Гоголь принимал в журнале самое активное участие, здесь, в первом номере издания, была напечатана программная статья друга Пушкина и Гоголя, педагога и литератора П. А. Плетнева «Императрица Мария». В этой статье давалась чрезвычайно высокая оценка деятельности покойной Государыни в подведомственных ей российских женских учебных заведениях.

Главное в плетневской статье «Императрица Мария» — сближение «долга» и «счастья» в деятельности Государыни, — т. е. абсолютно одинаковое, как и в гоголевском «Тарасе Бульбе», понимание зависимости «счастья», духовного утешения, от исполнения христианских заповедей. Плетнев писал об императрице: «В Ее сфере должность и счастье значили одно и то же» [Плетнев: 10].

Характеризуя Марию Феодоровну, Высочайшую воспитательницу «благородных девиц», автор добавлял: «Она изучила человека во всех его возрастах, под влиянием всякой страсти, во всяком состоянии, во всех отношениях: не было примера, чтобы кто-нибудь из подчиненных Ея не предался всей ревности к исполнению долга, к какой только он способен был по душе своей» [Плетнев: 10].

Почти в тех же выражениях характеризовал позднее Гоголь своего «идеального» наставника Александра Петровича:

«Александр Петрович имел дар слышать природу русского человека <...>. Никто из детей не уходил от него с повиснувшим носом; напротив, даже после строжайшего выговора чувствовал он какую-то бодрость и желанье загладить сделанную пакость и проступок» [Гоголь: Т. 5, 246].

Судя по словам Гоголя, такой же «педагогической», продуманной деятельности, как в служении Марии Феодоровны, он ожидал и от самого императора — в масштабах всей страны. Рассказывая о воспитательных принципах Государыни, Плетнев писал:

«ИМПЕРАТРИЦА постигнула величайшую тайну, как властвовать сердцами подчиненных Своих. В духе истинно христианском Она образовала царство любви <...>. Над душою нет власти, кроме силы душевной. В этом убеждении Императрица всякое лицо, вступавшее в область попечительности Ее, признавала равно достойным Своего внимания. <...> Она нисходила к каждому <...> и освящала его сердце тою любовью, которая все одушевляла в кругу Ее благотворительности <...>.

Оттого превосходство Ее заведений состоит не в строжайшем исполнении форм сравнительно с другими, но в духе деятельности. Каждое из них, как благословенное семейство, цветет внутренним счастьем: все в нем единодушно стремятся к общей цели, любят свой долг и не могут не уважать друг друга: они уравниваются вниманием, оживлены признательностию; им неизвестны никакие побудительные меры, кроме тех, которые умеет избирать одна чистейшая любовь» [Плетнев: 9–11].

Эти слова Плетнева во многом соответствуют гоголевскому определению самого монарха в статье «О лиризме наших поэтов»:

«Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделаться весь одна *любовь* <...>. Все полюбивши в своем государстве, до единого человека всякого сословья и званья, <...> Государь приобретет тот всемогущий голос любви, который один только может <...> обратить в стройный оркестр государство» [Гоголь: Т. 6, 45–46].

Закономерно поэтому, что далее в гоголевской статье речь идет о воспитании монархом своих подданных «всемогущей» христианской любовью:

«Все события в нашем отечестве <...> видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах <...> вооружить каждого <...> высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку разобратить, осудить самого себя и воздвигнуть в себе <...> брань всему невежественному и темному», — чтобы мог один «устремить, как одну душу, весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия» [Гоголь: Т. 6, 46–47].

Подобно Плетневу, Гоголь, по сути, утверждает, что монарх должен быть не только мудрым организатором, не только наблюдать за «строжайшим исполнением форм», но и вести себя с подчиненными как любящий, внимательный педагог. Предлагая в 1842 г. П. В. Нащокину занять место воспитателя при сыне богатого откупщика Д. Е. Бенардаки, Гоголь писал:

«...вы скоро можете заставить воспитанника полюбить себя, а это уже много, посредством любви можно много передать в душу, чего человек другими средствами не в силах внушить» [Гоголь: Т. 12, 62].

Не только евангельская история и многочисленные частные исторические примеры, но и опыт личной педагогической деятельности, предполагавший общение с широким кругом воспитанников (воспитанниц), давал Гоголю основание полагать, что действие христианской любви может быть распространено из узкой сферы личных, бытовых или семейных отношений на обширное общественное поприще.

Основание для такого вывода давало и содержание статьи Плетнева об императрице Марии Феодоровне:

«В разных заведениях, пользовавшихся неусыпным Ее надзором, сколько тысяч молодых особ <...> образовались в продолжение сорока лет! <...> ...воспитание девиц <...> во скольких семействах утвердило добрые нравы <...>! В каждом из них Императрица возростила три поколения. <...> Теперь половина России благороднейшими своими чувствованиями одолжена единственно Ей» [Плетнев: 5–6].

Такую же христианскую, объединяющую любовь, реально управлявшую целым учебным заведением, Гоголь, по всей очевидности, наблюдал и сам во время его четырехлетней преподавательской деятельности в Патриотическом институте. Одна из воспитанниц института, вспоминая о двух венценосных попечительницах этого учебного заведения, императрице Елизавете Алексеевне, супруге Александра I, и сменившей ее императрице Александре Феодоровне, супруге Николая I, писала:

«Царица <Елизавета Алексеевна> навещала его <Патриотический институт> во всякую пору дня... <...> Дети <...> обожали Ее... <...> потерю Ее бесконечно оплакивали... <...> Дети знали наизусть все, что когда-либо говорили о Ней поэты, но любимейшими стихами были стихи Пушкина: “<...> Земной небесного свидетель, / Я пел на троне добродетель / С ее приветною красой; / И неподкупной голос мой / Был эхом русского народа!”» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: Т. 1, 743].

(Мемуаристка цитировала по памяти, неточно², посвященное памяти императрицы пушкинское послание «К Н. Я. Плюсковой» (1819) — бывшей фрейлине Елизаветы Алексеевны, воспитаннице Смольного института.) «В 1825 году, — продолжала бывшая пансионерка Патриотического института, — уезжая с Государем в Таганрог <...>, покойная Государыня вверила институт попечению *Великой Княгине Александре Феодоровне*. <...> Наша же новая покровительница привязалась к завещанному ей институту со всей теплотой и заботой материнского сердца...» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: Т. 1, 744].

И давний собственный опыт Гоголя в Нежинской гимназии, и атмосфера Патриотического института, очевидно, прямо сказались впоследствии в следующих лирических строках поэмы о наставнике Тентетникова:

«Как любили его все мальчики! <...> До гроба, до поздних дней благодарный воспитанник, подняв бокал в день рождения своего чудного воспитателя, уже давно бывшего в могиле, оставался, закрыв глаза, и лил слезы по нем. Его малейшее ободренье уже бросало в дрожь, в радость и в трепет и толкало честолюбивое желание всех превзойти» [Гоголь: Т. 5, 375].

Образы школьного наставника Александра Петровича и его подопечного Тентетникова во втором томе «Мертвых душ» являются типами собирательными: каждый из них включил в себя черты нескольких лиц — и в процессе работы обогащался обращением Гоголя к дополнительным письменным источникам. Наряду с тем, что уже было отмечено (воспоминания Гоголя об Орлае, статья Плетнева, быт Патриотического института; следует упомянуть также переписку Гоголя с Д. К. Малиновским, статью С. П. Шевырева «Об отношении семейного воспитания к государственному»), кое-что было «заимствовано» Гоголем даже от исторических лиц. И здесь вновь обнаруживается очевидное сходство гоголевских размышлений о педагоге и монархе. Ибо, в числе прочего, конкретный материал к воссозданию образа Александра Петровича дало Гоголю осмысление преобразовательной деятельности в русской истории Петра I. По словам Гоголя, царь-преобразователь «великодушно отказался на время от царского звания своего, решился изведать сам всякое ремесло и с топором в руке стать передовым во всяком деле, дабы не произошло никаких беспорядков...» [Гоголь: Т. 6, 156]. Таким же «передовым» исследователем всех возможных «поприщ и ступеней государственной службы и частных занятий» является в поэме наставник Тентетникова Александр Петрович, предупреждающий своих подопечных от подстерегающих их опасных «беспорядков»: «Все было ему известно, точно как бы перебивал он сам во всех званиях и должностях» [Гоголь: Т. 5, 376].

Еще одна разительная близость между гоголевскими размышлениями о педагоге и представлениями о монархе обнаруживается при сравнении образов второго тома «Мертвых душ» с содержанием одной из ранних статей писателя. Если в последние годы жизни Гоголь нашел способ открыто изложить свои взгляды об идеальном монархе, то, как уже отмечалось, в ранний период, когда он не менее интенсивно размышлял над этими вопросами, свои мысли он предпочел выразить «эзоповым языком», написав по этому поводу статью «Ал-Мамун». Важно подчеркнуть, что появилась эта гоголевская статья опять-таки в 1834 г. — отмеченном значимыми уваровскими преобразованиями. По справедливому выводу исследователя, содержанием статьи «Ал-Мамун» Гоголь задолго предвосхитил свои позднейшие «Выбранные места из

переписки с друзьями» [Куделин]. Эта ранняя «историческая» статья Гоголя, как и другие его произведения исторического содержания, также носит «прообразовательный» характер и на «отдаленном» времени материале непосредственно затрагивает проблемы управления государством, обсуждавшиеся в русском обществе в первой половине XIX в. Именно в статье «Ал-Мамун», которая стала прямым результатом работы Гоголя над задуманным в том же, 1834 г. «Трактатом о правлении», под видом сравнения правлений двух арабских халифов VIII–IX вв., Гаруна и Ал-Мамуна, писатель изложил свои представления об идеальном современном монархе. Первый из халифов — Гарун, — по сути, идеальный «педагог» нации, мудрый властитель, который «постигнул все разнообразные способности своего народа» [Гоголь: Т. 7, 349]. Второй — Ал-Мамун — «исполненный истинной жажды просвещения» — «не понял», однако, своего народа и стал «гонителем своих подданных» [Гоголь: Т. 7, 354]. В обоих этих халифах отчетливо угадываются главные черты позднейших «школьных» образов второго тома «Мертвых душ».

Характеризуя Гаруна, Гоголь писал:

«Он не был исключительно государь-философ, государь-политик, государь-воин или государь-литератор. Он соединял в себе все <...>. Просвещение чужеземное он прививал к своей нации в такой только степени, чтобы помочь развитию ее собственного» [Гоголь: Т. 7, 349].

Напротив, сын Гаруна, Ал-Мамун, сменивший отца после его смерти, желая из самых благих побуждений приобщить арабов к греческой культуре (по своим задаткам он, очевидно, тоже мог претендовать на роль «педагога нации»), навонднил Багдад чужеземными «теоретическими» философами, — последователями отвлеченной, бесплодной схоластики — «схоластизма», лишь маскирующегося «христианскими формами», но на деле заключающего в себе «начала политеизма», язычества, представляющего собой обольстительную «кучу слов», «дерзко обезобразивших идеи христианства» [Гоголь: Т. 7, 350–351]. (Позднее, в «Авторской исповеди», Гоголь писал: «Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, и пришел к Тому, Кто есть источник жизни» [Гоголь: Т. 6, 228].) В итоге Ал-Мамун «уже при

жизни своей видел отторжение» от своей «империи» «Персии, Индии и дальних провинций Африки» и умер среди «негодования» против него подданных, став «невольно одною из главных пружин, ускоривших падение государства» [Гоголь: Т. 7, 352–354].

«Ранние» размышления Гоголя об искусном монархе Гаруне и неразумном монархе-неудачнике Ал-Мамуне прямо определили позднее характер образов наставника Александра Петровича и его неразумного преемника на посту директора — Федора Ивановича — во втором томе поэмы. Первый, Александр Петрович, — «идеальный», подобно Гаруну, педагог; он не придавал никакого значения заумным схоластическим новшествам и «без всяких педантских терминов, огромных воззрений и взглядов, которыми любят пощеголять молодые профессора, <...> умел в немногих словах передать самую душу науки, так что и малолетнему было очевидно, на что именно она ему нужна, наука»: «Из наук были избраны только те, которые способны образовать из человека гражданина земли своей» [Гоголь: Т. 5, 246–247, 375].

Напротив, новый директор училища, Федор Иванович, сменивший Александра Петровича после его смерти, действует, подобно незадачливому преемнику Гаруна Ал-Мамуну, прямо противоположно своему предшественнику. Как и Ал-Мамун, предавшийся иноземной схоластике и потерявший в итоге управление государством, он тоже «с самыми благими намерениями» приобщает учеников к схоластическим, чуждым понятиям и вследствие этого утрачивает над ними власть:

«В образе преподавания наук он все перевернул вверх дном. С самыми благими намерениями завел он всякие нововведения — и все невпопад. Выписал новых преподавателей, с новыми взглядами и новыми точками воззрений. Читали они учено, забросали слушателей множеством новых терминов и слов. Видна была и логическая связь, и следованье за новыми открытиями, но увы! не было только жизни в самой науке. Мертвечной стало все это казаться в глазах уже начинавших понимать слушателей. Все пошло наыворот. Но хуже всего было то, что потерялось уваженье к начальству и власти: стали насмехаться и над наставниками и над преподавателями, директора стали называть Федькой...» [Гоголь: Т. 5, 248–249].

Деятельность педагога и деятельность монарха Гоголь порой описывал в похожих выражениях. Так, в статье «Ал-Мамун» Гоголь замечал по поводу неудачных образовательных проектов арабского халифа:

«...Ал-Мамун <...> упустил из вида великую истину, что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий. <...> ...для араба поле подвигов было заграждено <...> бесплодным чужестранным просвещением» [Гоголь: Т. 7, 351–352].

В 1842 г. Гоголь писал Нащокину, побуждая того, как уже говорилось, принять должность наставника сына Бенардаки:

«Не владея подробными знаниями в науках, вы имеете о них вообще светлые идеи и верные понятия. Вы в простых разговорах можете ему доставить то, чего не доставит ученый педант <...>. Жизнь, живая жизнь должна составить ваше учение, а не мертвая наука» [Гоголь: Т. 12, 69–70].

В свою очередь, к отцу Бенардаки Гоголь обращался:

«Ваш сын, кажется, уже находится в тех летах, когда, кто имеет в себе способности, становится живее к принятию всего. В эти годы имеют обычай загромождать множеством наук и предметов и, чем более видят восприимчивости, тем более подносят ему [разнородного] со всех сторон. Нужно, чтобы наука памяти не отнимала свободы мыслить» [Гоголь: Т. 12, 73].

Еще одним свидетельством того, что Гоголь, создавая образ директора училища Александра Петровича, размышлял в то же время и о монархе, о «власти одного», свидетельствует характерное замечание рассказчика об этом школьном наставнике:

«Толпа воспитанников его с виду казалась так шаловлива, развязна и жива, что иной принял бы ее за беспорядочную, необузданную вольницу. Но он обманулся бы: власть одного слишком была слышна в этой вольнице» [Гоголь: Т. 5, 246].

Об этой же «власти одного», покоряющей «необузданную вольницу», писал ранее Гоголь в «Тарасе Бульбе», изображая

своих «буйных» запорожцев в тот момент, когда для них наступает, наконец, пора исполнить их высокое предназначение:

«Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа: это был неограниченный повелитель, это был деспот, умевший только повелевать. Все своевольные и гульливые рыцари стройно стояли в рядах, почтительно опустив головы, не смея поднять глаз, когда кошевой раздавал повеления: раздавал он их тихо, не вскрикивая, не торопясь, но с расстановкою, как старый, глубоко опытный в деле казак...» [Гоголь: Т. 1–2, 335–336].

2

Одновременно с Плетневым, поместившим в 1836 г. в пушкинском «Современнике» статью «Императрица Мария», в те же месяцы, в период тесного общения с Гоголем, опубликовать в журнале статью, касающуюся проблем воспитания, намеревался и сам основатель «Современника» — Пушкин. 3 апреля 1836 г. он закончил для журнала статью «Александр Радищев», где затронул проблему пагубного поверхностного образования. Замечая в этой статье (оставшейся тогда неопубликованной) о пребывании А. Н. Радищева и его товарищей за границей, Пушкин писал:

«Учение пошло им не впрок. Надзиратель думал только о своих выгодах; духовник, монах добродушный, но необразованный, не имел никакого влияния на их ум и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали» [Пушкин, 1949: 30].

Результатом полученного таким образом иностранного «ученья» явилась, в конечном итоге, известная книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». По поводу это сочинения Пушкин замечал:

«Путешествие в Москву <...> очень посредственное произведение <...>. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны. <...> В Радищеве отразилась вся французская философия его века <...>. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему,

слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне; частные поверхностные сведения, наобум приуроченные ко всему, — вот что мы видим в Радищеве» [Пушкин, 1949: 35–36].

В последующей истории русской литературы в развитии идей воспитания, поставленных Пушкиным, Плетневым и Гоголем, обозначились два разнонаправленных вектора, — и один из них, к сожалению, оказался очевидным ответвлением пафоса Радищева — «презрения ко всему прошедшему», «жеманного и надутого» сетования по поводу настоящего. Радищевское «полупросвещение», поверхностный взгляд, когда «все предметы криво отражаются в кривом зеркале» [Пушкин, 1949: 36], были подхвачены мнимыми продолжателями Гоголя, представителями так называемой «натуральной школы», основанной В. Г. Белинским — убежденным противником начал Православия, Самодержавия, Народности. Проблема «натуральной», псевдо-реалистической школы, ее главный изъян заключались именно в том, что, отвергая испытанные веками ценности, ее представители допускали ошибку не в нюансах, не в деталях, но в самой типологии, в направленности, установке писателя, строящего из вполне достоверных, почерпнутых из жизни, но произвольно подобранных частных общую неверную, искаженную ложными посылками картину.

По части вопросов воспитания и педагогики достаточно сравнить изображение духовного учебного заведения, бурсы, у Гоголя (в «Тарасе Бульбе» и «Вии») и у последователя радикальной школы Н. Г. Помяловского, чтобы убедиться в весьма сомнительном, мнимом «реализме» «натурального» направления. В конце 1850-х — первой половине 1860-х гг. некто Т. И. Селиванов (выпускник духовной семинарии в самом начале XIX в.) в беседе с писателем Г. П. Данилевским отмечал, что Гоголь «в повести “Вий” приводит верное изображение <...> бурсаков, отправлявшихся на кондиции из городов по деревням» [Данилевский: 9]. Напротив, об «Очерках бурсы» Помяловского современник — словно продолжая пушкинскую критику Радищева — писал: «Мы сами знаем духовные заведения не понаслышке, мы знакомы со многими из них в подробности; но утверждаем со всею силою убеждения, что

не встречали ни в училищах, ни в Семинариях, ни в Академиях той отвратительной грязи, тех омерзительных гадостей, того невероятного безобразия, какие описывает г. Помяловский» [Даниленко: 115].

Второй, прямо противоположный — и подлинно реалистический вектор развития русской словесности оказался неразрывно связан с высокими национальными духовными идеалами. Для характеристики этого направления современный исследователь русской литературы в число насущных литературоведческих терминов по праву вводит понятие «христианский реализм» [Захаров: 166–178]. В свою очередь, недавно были очерчены две полярные традиции русской словесности «после Гоголя», находящиеся в отношении гоголевского наследия в позиции *pro et contra* [Виноградов, 2018]. В противовес литераторам радикального, обличительного направления, к числу тех писателей, которые являются подлинными продолжателями гоголевских традиций — А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, И. А. Гончаров, граф А. К. Толстой и др. — к числу этих писателей с полным правом принадлежит также Н. С. Лесков. С Лесковым Гоголя объединяет не только общий антизападнический, антинигилистический пафос их произведений, но и глубокий интерес к вопросам педагогики, забота о духовном воспитании юношества. С не меньшей правдой, силой и остротой, чем у Гоголя, проблемы воспитания молодого поколения — и именно воспитания в духе служения Отечеству, готовности к подвигу и самопожертвованию, — были воплощены в рассказе Лескова «Кадетский монастырь» (первоначально имевшего подзаголовок «Из рассказов о трех праведниках»; 1880). По самой своей сути — и даже по хронологической приуроченности — лесковский рассказ о будущих защитниках Отечества может служить почти документальным, вполне историческим комментарием к тому «бурсацкому» быту Нежинской гимназии, в воспитательной обстановке которого Гоголь провел всю свою юность и который изобразил позднее в «Тарасе Бульбе».

Вопреки уже господствовавшей во времена Лескова тенденции, его «Кадетский монастырь» — рассказ из кадетского учебного быта — не был посвящен ни обличению чиновных «скалозубов» и «держиморд», ни разоблачению «рясы и скуфьи»

прошедшей эпохи, а напротив, заключал в себе прославление четырех реальных «праведников» «глухой поры». Называя «глухой порой» описываемое в «Кадетском монастыре» время — 1820-е гг., Лесков брал это выражение в кавычки [Лесков: 315], но даже и отстраняясь таким образом от «чужих» слов, все-таки как бы заранее извинял себя перед «прогрессивной» критикой за повествование, представляющее в совсем ином свете нелюбимый ею исторический период — то время, когда у выпускников-кадетов «о доходных местах и должностях, о чем нынче грудные младенцы знают, <...> и мыслей не было» [Лесков: 332]. Покидая после завершения учения корпус, расставались «не с тем, что я так-то устроюсь или разживусь, а говорили: “Следите за газетами: если только наш полк будет в деле, — на приступе первым я”»: «Все так собирались, а многие и исполнили» [Лесков: 332].

Рассказ Лескова посвящен четырем выдающимся воспитателям и наставникам Первого петербургского кадетского корпуса: директору, генерал-майору М. С. Перскому (1776–1832), эконому, бригадиру А. П. Боброву (ум. в 1836 г.), штаб-лекару Ф. Г. Зеленскому (служил в корпусе в 1805–1823 гг.)³ и архимандриту Иринею (Нестеровичу, 1783–1864), законоучителю кадетского корпуса в 1824–1825 гг., открывавшему, по словам рассказчика, кадетам «поэзию вечной правды и неумирающей жизни» [Лесков: 342] (с 1826 г. стал епископом, с 1830 — архиепископом).

Следует при этом иметь в виду, что второй из указанных лиц, бригадир Бобров, был осмеян в 1813 г. восемнадцатилетним К. Ф. Рылеевым в его шуточной, «ирои-комической» поэме «Кулакиада». Рылеев был тогда в числе воспитанников Первого кадетского корпуса. О «праведнике» (по лесковской оценке) Боброве будущий декабрист писал, что тот, огорченный внезапной кончиной корпусного повара Кулакова, «восплакал, возрыдал» и «такой потерей огорченный <...>, перебил всех поваров» [Рылеев: 506–507]. В заключение своей поэмы Рылеев, обращаясь к самому Боброву, характеризовал его в таких красках: «А ты — о мудрый, знаменитый, / Царь кухни — мрачных погребов, / Топленным жиром весь облитый, / Единственный герой — Бобров...» [Рылеев: 510]. Лесков по

поводу лишнего веса Боброва лишь замечал, что тот похож был на «дедушку Крылова» [Лесков: 329], а «засаленную» неопрятность наставника объяснял отнюдь не обжорством: «Сколько мы его знали, он всегда носил один и тот же мундир, засаленный-презасаленный, а другого у него не было», — все жалованье Бобров расходовал на кадет из «бедняков и безродных» [Лесков: 329, 332].

Рылеевская «поэтическая» сатира в адрес одного из его наставников отнюдь не ставит под сомнение правдивость «Кадетского монастыря». Не отвергает правды рассказа и то, что и Гоголь прекрасно знал о реальных недостатках воспитания тогдашних гимназистов и кадет, — тех пробелах, какие числили в своем духовном образовании и отважные гоголевские запорожцы, — и те, что изображены в исторической «казацкой эпопее» Гоголя, и те современные «бурсаки», «запорожцы» по духу, с которыми судьба свела будущего писателя в школе. Упоминание о неидеальных сторонах воспитания в тогдашних гимназиях и корпусах встречается, в частности, во втором томе «Мертвых душ» в характеристике сыновей-гимназистов помещика Петуха:

«Николаша и Алексаша <...> думали о Москве, о кондитерских, о театрах, о которых натолковал им заезжий из столицы кадет» [Гоголь: Т. 5, 416]; «...Петр Петрович <...> то и дело подливал <...>; чего ж не допивали гости, давал допить Алексаше и Николаше, которые так и хлопали рюмка за рюмкой...» [Гоголь: Т. 5, 290].

Неумное бражничество запорожцев и прочие их недостатки Гоголь осмысляет в «Тарасе Бульбе» как одно из главных препятствий, мешающих осуществлению героями их высокого призвания.

Несмотря ни на что «идеальный» лесковский рассказ не утрачивает своей жизненной правды. «Кадетский монастырь» примечателен, помимо прочего, тем, что носит вполне мемуарный характер: рассказ был создан на основе действительных воспоминаний одного из выпускников Первого кадетского корпуса, видного общественного деятеля, Г. Д. Похитонова (1810–1882). «Старый кадет», ровесник Гоголя, Похитонов,

вероятно, испытывал больше благодарности к своим воспитателям, чем Рылеев. Лесков писал свой рассказ буквально по стенограмме его воспоминаний.

Реальность описанного Лесковым незаурядного, выдающегося в духовном и нравственном отношении «кадетского монастыря», с его самоотверженными «игуменом»-директором, «старцами»-воспитателями и преданными Отечеству и школьному братству юными питомцами, в свою очередь, косвенно свидетельствует о том, что и Гоголь в своих размышлениях о школьном товариществе и братстве, об «идеальных» педагогах и наставниках своего времени отнюдь не отрывался от реальности, не идеализировал действительность, но черпал свои образы из самой жизни. Воспоминания о собственной «нежинской бурсе», послужившие источником для изображения бурсацкого быта в «Тарасе Бульбе» и «Вии», школьная дружба нежинского кружка в Петербурге, а также впечатления от непритворной любви к Отечеству и Царскому дому, которую демонстрировали во время педагогической деятельности Гоголя в Патриотическом институте юные петербургские «патриотки», дочери героев 1812 года (а в их число, кстати, в 1829 г. в институт была принята и дочь казенного Рылеева Анастасия [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: Т. 1, 745]), — все эти воспоминания и впечатления, одинаково сказавшиеся в образах второго тома гоголевской поэмы, обусловили их вполне реалистический, не «мечтательный» характер.

Герои «Кадетского монастыря» Лескова проходили обучение как раз в те годы, когда Гоголь учился в своей гимназии в Нежине. По произведениям обоих писателей можно судить об общей атмосфере российских учебных заведений той поры — и делать вывод о той системе русского образования в целом, которая сложилась благодаря преемственной внутрисполитической деятельности императоров Александра I и Николая I. Как известно, из стен своей «бурсацкой» alma mater Гоголь вышел в 1828 г. с теми же чувствами, с какими оканчивали курс воспитанники «кадетского монастыря» Лескова. (Главная цель Нежинской гимназии заключалась отнюдь не в воспитании литераторов — хотя таковых из ее стен вышло немало, но в образовании будущих чиновников и военных.) Благодаря своим наставникам, Гоголь покинул Нежин одушевленный самыми горячими намерениями посвятить свою жизнь

служению Отечеству — «пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, <...> кипел принести хотя малейшую пользу» [Гоголь: Т. 10, 74]. Еще в шестнадцатилетнем возрасте он поставил себе задачу «жить не для себя, а для страждущих ближних», «быть полезным своему отечеству — России» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: Т. 1, 26]. «Идеалисты были ужасные», — замечал Лесков о героях «Кадетского монастыря» [Лесков: 332]. Но, по-видимому, только *так* воспитанный юноша мог написать впоследствии «Тараса Бульбу». Гоголю не надо было выискивать, сопоставлять и сравнивать книжный материал в поисках героических черт его запорожцев. Такой герой уже жил в нем самом, когда в 1828 г. он покидал гимназию.

Гоголь так же, как Лесков, при создании своих образов, в размышлениях об «идеальной» педагогике, о ее роли в государственном управлении, опирался на опыт реальных людей, а именно, на память о нежинском директоре Орлае — бывшем лечащем враче императора Александра I; на «материнские», христианские педагогические принципы покровительницы Патриотического института императрицы Александры Феодоровны; на любовь к подданным самого императора Николая I, чьим помощником и сотрудником в деле приобщения его подданных к «высшим», христианским стремлениям Гоголь ощущал себя как писатель с первых шагов творчества.

Примечания

- ¹ См. об этом: [Виноградов, 2009: 490–494].
- ² Ср.: [Пушкин, 1819].
- ³ Исправляем встречающееся в комментариях к «Кадетскому монастырю» ошибочное указание, что описанным Лесковым праведником был доктор медицины М. С. Зеленский (1829–1890) (см.: [Рейсер: 656]).

Список литературы

1. Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 387–656.

2. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — Т. 1. — 904 с.
3. Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. Научное издание. — М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 352 с.
4. Виноградов И. А. Литературная проповедь Н. В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 2. — С. 49–124 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530266349.pdf (05.05.2018). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5181
5. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М., Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. — Т. 1–17. — 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
6. <Данилевский> Г. <П.> Харьковские школы в старину и теперь. (Исторические и статистические заметки об училищах и народном образовании в Харьковской губернии). — СПб.: Типография И. Огризко, 1864. — 24 с.
7. Даниленко Н. Бурса и ее певец // Полтавские Епархиальные Ведомости. — 1863. — 1 февр. — № 3. — С. 115–120.
8. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. — М.: Индрик, 2012. — 264 с.
9. Куделин А. Б. К характеристике исторических взглядов Гоголя: От «Арабесок» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» // Куделин А. Б. Арабская литература. Поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 414–432.
10. Лесков Н. С. Кадетский монастырь // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. — М.: ГИХЛ, 1957. — Т. 6 / подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера. — С. 315–350.
11. <Плетнев П. А.> Императрица Мария // Современник. — 1836. — Т. 1. — С. 4–13.
12. <Пушкин А. С.> П.....н А. Ответ на вызов написать стихи в честь Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны // Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества Любителей Российской Словесности. — СПб.: В Медицинской типографии, 1819. — Ч. VIII. — Кн. X. — С. 70–71.
13. Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1837–1937: в 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 12. Критика. Автобиография / ред. В. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум, Т. Г. Цявловская-Зенгер, Н. Г. Богословский, С. М. Бонди, Г. А. Бялый, Н. В. Измайлов, В. Л. Комарович. — 576 с.
14. Рейсер С. А. Примечания // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. — М.: ГИХЛ, 1957. — Т. 6 / подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера. — С. 627–685.
15. Рылеев К. Ф. Кулакиада. Сообщил М. П. Кудрявцев // Русская Старина. — 1896. — Т. 85. — № 3. — С. 506–510.

Igor' A. Vinogradov

(Moscow, Russian Federation)

info@imli.ru

The Image of the Monarch-Mentor in the Works of N. V. Gogol

Abstract. The article explores the religious and political transformation of Gogol's ideas about the "enlightened sovereign". For the first time, the real phenomena that contributed to the formation of Gogol's concept are covered, in particular, the pedagogical activity of one of Gogol's school teachers, director of the Grammar School of Sciences in Nezhin, I. S. Orlaya; mentorship for women's schools in Russia of their patrons, Empresses Maria Fyodorovna, Elizaveta Alekseevna and Alexandra Fyodorovna; a program of education set before contemporaries by S. S. Uvarov, Minister of Public Education; the article *The Empress Maria* by P. A. Pletnyov, published in 1836 in the first issue of Pushkin's *Sovremennik*. Gogol's ideas about the monarch-teacher manifest themselves in his works. Gogol's reflections on education, on the role of pedagogy in government are compared with the views of A. S. Pushkin, N. V. Pomyalovsky, N. S. Leskov. The autobiographical principle in Gogol's works is revealed, in particular, the influence of the patriotic education in his alma mater — Grammar School of Sciences in Nizhyn — on the creation of the novel "Taras Bulba".

Keywords: Gogol, Pletnyov, Pushkin, Leskov, the ideal, the history of Russia, the enlightened sovereign, the problem of a positive hero, patriotic education, mentor, teacher, educator

About the author: *Vinogradov Igor' A.* — Doctor of Philology, Chief Investigator, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25a Povarskaya str., Moscow, 121069. Russian Federation)

Received: February 18, 2019

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Vinogradov I. A. The Image of the Monarch-Mentor in the Works of N. V. Gogol. In: *Problemy Istoricheskoi Poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 111–134 (In Russ.)

References

1. Vinogradov I. A. Comment. In: *Gogol' N. V. Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniya. Istoriko-literaturnyy i tekstologicheskii kommentariy [Gogol N. V. Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 387–656. (In Russ.)
2. Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, pereziske sovremennikov. Polnyy sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 tomakh [Gogol in Memoirs, Diaries, Letters*

- of His Contemporaries. The Complete Digest of Documentary Records: in 3 Vols*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, vol. 1. 904 p. (In Russ.)
3. Vinogradov I. A. *Gogol' v Nezhinskoy gimnazii vysshikh nauk: Iz istorii obrazovaniya v Rossii. Nauchnoe izdanie [Gogol in the Nezhin High School: From the History of Education in Russia. Scientific Publication]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
  4. Vinogradov I. A. The Literary Sermon of N. Gogol: Pro et Contra. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 49–124. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530266349.pdf (accessed on May 5, 2018). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5181 (In Russ.)
  5. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh) [The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]*. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010, vol. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 p. (In Russ.)
  6. Danilevskiy G. P. *Khar'kovskie shkoly v starinu i teper'. (Istoricheskie i statisticheskie zametki ob uchilishchakh i narodnom obrazovanii v Khar'kovskoy gubernii) [Kharkov Schools in Old Times and Now. (Historical and Statistical Notes about Schools and Public Education in Kharkov Province)]*. St. Petersburg, Tipografiya I. Ogrizko Publ., 1864. 24 p. (In Russ.)
  7. Danilenko N. School and its Glorifier. In: *Poltavskie Eparkhial'nye Vedomosti [Poltava Diocesan Journal]*, 1863, February 1, no. 3, pp. 115–120. (In Russ.)
  8. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty [The Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects]*. Moscow, Indrik Publ., 2012. 264 p. (In Russ.)
  9. Kudelin A. B. On the Characteristic of Gogol's Historical Views: From "Arabesques" to the "Selected Places from Correspondence with Friends". In: *Kudelin A. B. Arabskaya literatura. Poetika, stilistika, tipologiya, vzaimosvyazi [Kudelin A. B. The Arabic Literature: A Poetics, Stylistics, Typology, Connections]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003, pp. 414–432. (In Russ.)
  10. Leskov N. S. A Cadet Monastery. In: *Leskov N. S. Sobranie sochineniy: v 11 tomakh [Leskov N. S. Collected Works: in 11 Vols]*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1957, vol. 6, pp. 315–350. (In Russ.)
  11. Pletnev P. A. Empress Maria. In: *Sovremennik [The Contemporary]*, 1836, vol. 1, pp. 4–13. (In Russ.)
  12. Pushkin A. S. The Answer to the Challenge to Write Poems in Honor of Her Imperial Majesty, Empress Elizabeth Alekseevna. In: *Trudy Vysochayshe utverzhdennogo Vol'nogo Obshchestva Lyubiteley Rossiyskoy Slovesnosti [Proceedings of the Free Society of Lovers of Russian Literature Approved by Imperial Consolidated]*. St. Petersburg, V Meditsinskoy tipografii Publ., 1819, part 8, book 10, pp. 70–71. (In Russ.)

13. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy, 1837–1937: v 16 tomakh* [*The Complete Works, 1837–1937: in 16 Vols*]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 12. 576 p. (In Russ.)
14. Reyser S. A. Notes. In: *Leskov N. S. Sobranie sochineniy: v 11 tomakh* [*Leskov N. S. Collected Works: in 11 Vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1957, vol. 6, pp. 627–685. (In Russ.)
15. Ryleev K. F. Kulakiada. Reported by M. P. Kudryavtsev. In: *Russkaya Starina* [*The Russian Antiquity*], 1896, vol. 85, no. 3, pp. 506–510. (In Russ.)